

2 р. 50 к.

0-66

И 58296

ад
СЕРГЕЙ ОРЛОВ

СВЕТЛАНА

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

СВЕТЛАНА

ПОЭМА

ВОЛОГДА * „КРАСНЫЙ СЕВЕР“ * 1950

Сергей Орлов родился в 1921 году в селе Мегра, Белозерского района, Вологодской области. Окончил в 1940 году среднюю школу в городе Белозерске и поступил в Карело-Финский государственный университет в Петрозаводске на исторический факультет.

Осенью 1941 года призван в армию и окончил танковое училище в 1942 году.

В 1944 году Сергей Орлов, командир взвода тяжёлых танков КВ, был тяжело ранен и после госпиталя демобилизован. Награждён орденом Отечественной войны второй степени.

Первые стихи Орлова печатались в вологодских областных газетах «Красный Север» и «Сталинская молодёжь». В 1946 году в Ленинграде вышла книга его стихов «Третья скорость», в 1948 году — «Поход продолжается».

Сергей Орлов много и плодотворно работает над темами своего родного Вологодского края.

„СВЕТЛАНА“

I

Летит по дорогам лета
Машина с попутным ветром.
Водителю до рассвета
Осталось два километра.

Водитель Иван Батурин
Машину зовёт бандурой;
Сидит он, цыгарку курит,
Белёные брови хмурит.

Шофёр высокого класса,
Соперник воздушным ассам,
Летал по сто вёрст за час он
По заграничным трассам.

Он едет себе да шутит,
Усы да баранку крутит;
А по стеклу, стегая,
Тонкий железный пруттик
Остаток ночи сметает.

И мне хорошо в кабине
Лететь по родной равнине,
Туда, где в лесах, туманах
Под пенью рек безымянных
Встаёт на рассвете рано
Далёкий колхоз «Светлана».

Дорога уходит вправо;
Грохочет по днищу гравий.

Иван говорит мне: «Право,
Век ездил бы по державе.

Возил бы людей да грузы
По всем большакам Союза;
Люблю, когда полон кузов,
Но только без перегруза.

А всё же вот трактором этим
Летать, обгоняя ветер,
Милее всего на свете,
Поскольку здесь в сельсовете,
Взгляни... — Он махнул рукою
На домики под горою,
Над речкою голубою —
Селенье моё родное...».

А там амбары да фермы
Плывут на скорости первой.
Дымки расправляют перья,
И хлопают в избах двери.

И, жаркой зарёй захлестнут,
В сверканьи колючих рос,
Как гром молодой, по мосту
Влетел грузовик в колхоз.

* * *

Свернула знамя алое заря,
Восходит солнце, медленно горя.
В гараж ведёт машину, как коня,
Шофёр Батурин, высадив меня:
«Вон председатель, видишь, на углу,
Иди ему навстречу по селу».

Скрип журавлей, далёкий стук подков,
Тягучее мычание коров,
Железа звон и пение ворот —
Работы утро на земле встаёт.

Мне с неких пор уже не привыкать
В беседу с незнакомыми вступать,
Но не люблю, когда сквозит меж строк
В беседе отчужденье холодок.
Иду, гадаю, как наедине

Сойтись короче, проще...

А ко мне

Одетый в китель, молод и высок,
В фуражке, сбитой лихо на висок,
Веснушат, от загара темнокож
И на кого-то здорово похож,
Шагнул он сам, как бы из дальних лет,
Напомнив вдруг за Волховом рассвет,
Огни ракет, снега темней песка,
Комбат артиллерийского полка,
А может быть, под Псковом ночь плыла
С огнём и мокрым ветром пополам,
И офицер, распутицу кляня,
Орудье выдернуть просил меня.
Потом у танка между двух атак
Мы на привале жадно жгли табак...

А председатель шёл и думал так:
«Уж эти журналисты, с ними как
И говорить, чтоб не попасть впросак».
И он взгляделся, но в пяти шагах
Улыбка вспыхнула в его глазах.
И он, как я, подумал сразу то же:
Знакомый парень, до чего похожий,
В рубцах ожогов левая щека —
Да это же танкист наверняка.
Внимательные с искрою глаза —
И вспомнилась под Киевом гроза.
В керзовом шлеме коренастый парень
На переправе около сосны
С машины прыгнул, по плечу ударил:
«Давай закурим, что ли, бог войны».
Так встретились под пенье петухов
Бывалые солдаты двух полков.

Пусть он не тот, и я пускай другой.
Но встретились мы на передовой.

О чём солдаты могут толковать,
Когда пришла пора косить и жать?
Он поднял руку, как вниманья знак:
«Какая, друг, повсюду тишина.
Я позабыл немолчный гул войны
И нынче от весны и до весны

Смотрю сельскохозяйственные сны.
Став армии строителей бойцом,
Воюю дома, с собственным отцом.
Сегодня на собрании вопрос
О станции решает наш колхоз.
Так вот отцу не нравится проект
Соединенья двух колхозных рек.
Не по плечу, — кричит, — и рановат
Проект. Куда нам двести киловатт...
Хозяевать умеет мой старик,
А вот к масштабам новым не привык.. ».
Он замолчал. Издалека с полей
Плыл ветер по вершинам тополей,
Сиял росой обрызганный простор,
Шло солнце, взгромоздясь на косогор...
И спохватился: «Что же мы стоим,
Тебе же отдых, друг, необходим.
За школой, видишь, пятистенный дом,
Иди к отцу, побалуйся чайком.
Старик — любитель разных новостей,
Встречает он как следует гостей.
Ты к нам надолго?»
— На лето.
«Тем боле...
Увидимся в правлении, ты к нам
Приехал кстати.
Мне же надо в поле,
А дом Ипатовых найдёшь ты сам».

2

Шла туча издали,
Черна, лохмата,
И вдруг над избами,
Как из ушата,
Дождь опрокинула
Под грома окрик,
Литавры вскинула,
И дрогнул округ.
Дождь рад войти в луга,
Но нету арки,
И встала радуга
Под солнцем жарким.
Капуста крикает

На огороде —
Во время всякое
Ей дождик годен.
А вот косцам в лугах
Дождь, как измена,
Они гребут в стога
И в копны сено.
И тут от школы к ним
Наперегонки
С дождём,
В весёлый дым
Бежит девчонка,
Она, стряхнув легко
С ног босоножки,
Махнула мне рукой:
«Нажми немножко!»
А в ясной дали там
Кричат, травой шурша:
«На помощь, Валя, к нам,
Скорей, учительша!».

* * *

Над копнами пар лиловатый,
Мы сено от ливня спасли,
И с песней весёлой девчата
Опять на раструску пошли.
Валки разворошены ровно,
Ворча, удаляется гром.
И мы с Валентиной Петровной
По тропке в деревню идём.
Сверкают под солнцем травинки,
Как блёстки в её волосах,
Высокого неба дыминки
Плывут и не тают в глазах.
Смеётся она: «Что, попали
Со мною на бал с корабля?
Ведь я обозналась вначале,
А вы не впервые в полях...
Тут есть инженер из конторы,
Я вас за него приняла.
Он мастер плотин и моторов,
Но вовсе не знает села.
В очках хлопотун близорукий,

Колдует весь день над рекой!
Хотела б взглянуть, как он в руки
Взял грабли, нескладный такой...
Со мной тоже было негладко —
Не знала, как сено гребут.
Не местная я—ленинградка,
Окончила пединститут.
Учу ребяташек и жизни
Учусь будто заново тут.
Какие по нашей отчизне
Хорошие люди живут!
За будущее отвечая,
Что мы Коммунизмом зовём,
В него они смотрят и знают,
Что с нас там потребуют в нём.
А впрочем, увидите сами,
Узнаете все дела...».
В деревню большими друзьями
Нас тропка меж тем привела.
И платье её в отдаленье
Мелькнуло уже за углом.
Вхожу по скрипучим ступеням
К Трофиму Ипатову в дом.

3

За окнами ограды и поля,
Уходит дождь у ветра на аркане,
Лес за рекой, а за лесом земля
Как будто и кончается в тумане.

С хозяином сижу я третий час
В добротном пятистенке деревянном.
За чаем начат разговор у нас
О Белом доме, что за океаном.

Хозяин сед, сутуловат, плечист.
Он в возрасте таком, как мистер Трумэн.
Хотя он не особенно речист
И по-мужицки выражает думы,

Но мужику не занимать ума.
(Во всём в беседе соглашаюсь с ним я).
«Ну, что сказать про белые дома—
В семнадцатом году бывал я в Зимнем...

Сын в сорок пятом заходил в рейхстаг.
Конечно, дом совсем иного цвета
И называется совсем не так,
Но сути дела не меняет это.

Всё дело в тех, кто населяет дом,
Вот кончилась пора военных маршей.
Но вновь Европу захлестнуть огнём
За океаном замышляет Маршалл.

Он не жалеет денег на войну
Ни в Греции далёкой, ни в Китае,
За конскую тушонку он страну
Уж не одну в Европе покупает.

Но только я на это так гляжу:
Что мужики Соединённых Штатов
В тот Белый дом, уж точно я скажу,
Зайдут к нему однажды за расплатой.

А что до нас—так мы на всей земле
Одни сейчас с таким размахом строим...
Взгляни на то, что делаем в селе...
Вот только б нас оставили в покое».

Он распахнул окошко для меня,
А там столбы шагали вдоль посада,
Шли верхолазы, крючьями звеня,
И клуб рубила плотничья бригада.
Проехал с саженцами яблонь воз,
Плыл грузный трактор, траками сверкая,
Хозяин встал во весь огромный рост,
Перед окошком плечи расправляя,
И замолчал...

Из этого окна

В простом крестьянском доме деревянном
Вся родина ему была видна
И Белый дом за морем-океаном.

★ ★ ★

Синеватый дымок струится
В золотистых лучах косых.
Кот гуляет по половицам
И мурлычет что-то в усы.
Отчаёвничали. Посуду

Перемытую со стола,
С мёдом первого сбора блюдо
Вот Лукерья в шкаф убрала.
Что ж, пойду до реки, пожалуй.
Время к вечеру. Пять часов.
У хозяев дела немало,
Кроме гостя и кроме чаёв.
Запах скошенных трав тревожит,
Долетающий издали.
Ветер, как мальчишка прохожий,
Завивает вьюнки в пыли.
А в реке, закатавши брюки,
Бродит с колышком, с бечевой,
На часы глядит близоруко
Сам заочный знакомый мой.
В брызгах ярких цветного спектра
Собеседником мне послал
Инженера из Сельэлектро
День, похожий на людный вокзал.
Я не праздный из доброхотов,
Мне положено неспроста
Знать, как в формулах и расчётах
Обретает лицо мечта.
Я в неё под огнём поверил,
В жизнь дерзания и полёта...
До собрания с инженером
Разбираемся мы в расчётах...

А потом он у переката
По плечу меня вдруг ударил:
«Молодчина этот Ипатов,
Всё блестяще продумал парень.
Верен, точен проект Степана,
До Россохи канал возможен.
Трудно будет рыть котлованы,
Экскаватором мы поможем.

Есть такая организация—
«Электричество и село»,
С нею слово «электрификация»
Прочно в быт деревни вошло.
С экскаватором мы за лето
До Россохи канал пророем,
Две реки сольём, и при этом

Мощность станции мы устроим».
А пред нами, гремя камнями,
В тёмных зарослях ивняка
Голубое плескала пламя,
Пела, била, плыла река.

4

Тресты зелёные ножи
И камыши, как палицы,
Меж них старательно бежит,
Гремя камнями, Чалекса.

Летит холодная струя
Под голубыми кручами,
Непокорённая, ничья,
Заверчена, закручена.

В сверкающие кружева,
Как девица, обряжена.
Бежит река не год, не два.
Торопится. Куда ж она?

Куда ж она, снаряжена,
Летит издалека?
Бег начала когда ж она?
— В старинные века.

Меж прочих речек выделив
За нрав, за непокой,
Её и деды видели
Стремительной такой.

Отцы глядели вслед реке:
Спешит река не к нам,
Ей тыща лет по метрике,
Она ж юным-юна.

Летит себе, и вот она,
Не умеряя ход,
Влетела в год работы к нам,
В сорок девятый год.

И ей сказали—путь далёк,
Но ты примчалась в срок.

Пора вступать в свои права,
К работе приступать—

Крутить большие жернова,
Деревне ток давать,

Леса пилить, в домах светить
В колхозной стороне,
Пора пшеницу молотить,
Работать на гумне...

Тресты зелёные ножи
И камыши, как палицы,
Меж них старательно бежит,
Гремя камнями, Чалекса.

А на высоком берегу,
Уложенные ровно
В две пирамиды на лугу,
Уже готовы брёвна.

И только плотникам скажи —
Они начнут рубить ряжи,
Плотину возводить...
Что ж, так тому и быть!

5

Собирался народ в правление,
То и дело хлопали двери.
Будут жаркие нынче прения —
Распахнула окна Лукерья.

И ворчала сердито старая:
«Набросают цыгарок кучу,
Будто урны ставила даром я,
Для красы, по такому случаю...»

Всё ж плакатик с кратким воззванием:
«Не курить» на стене поправила.
Собирался народ на собрание
Ровно в восемь часов, по правилу.

До начала деда бородатые
Толковали про пакт атлантический,
Парни шуточками с девушками
Перебрасывались критически.

Трактористы в углу с шофёром
Развлекались беседой технической,

И, казалось, не будет спора
На собрание об электричестве.
Но явился Трофим Ипатов,
Ветерок пробежал по лицам,
И в последнем ряду, бородатом,
Враз наметилась оппозиция.
Счетовод подтянул цепочкой
Гирьки ходиков до предела.
«Установлен регламент точный,
Приступаем, граждане, к делу.
По вопросу о двух проектах
Гидростанции слово имеет
Представитель из Сельэлектро
Инженер товарищ Сергеев».

Инженер из блокнота
Читал, как по нотам.
Ясно всё по расчётам,
И уже на Трофима
Поглядывал кто-то —
«Слышишь, батя?..
— Ну то-то...».
Но ему это мимо,
Сдвинул хмурые брови,
Не поймаешь Трофима
На слове.
Он-то мыслит иначе,
Встал степенно и начал:

«Что касается плана
Проекта Степана, —
Я скажу — план-то планом,
Да не было б рано,
Говорят — поспешите,
Людей насмешите.
Как хотите, решите,
Я скажу без обмана.
Я в бутылку не лезу —
ГЭС нужна дозарезу.
Куй горячим железо —
Только надо, чтоб трезво.
Я такое хочу,

Чтобы нам по плечу.
Чтоб под осень так было:
Река молотила
И в избах светила.
Река — это сила».

Кто-го выкрикнул: «Точно!»
Кто-то: «Ну, закрутил!»
Счетовод всё построчно
В протокол заносил,
В голубую тетрадку.
Стучал по графину,
Призывая к порядку.
И на эту картину,
Улыбаясь с портрета,
Глядел на собранье
Сталин, щурясь от света,
Всё предвидя заране.

Приутихло волнение,
За столом кумачовым
Попросил позволения
Сын сказать своё слово.
Встал, на батьку похожий
Лицом и повадкой,
Только крепче, моложе,
Парень с новою хваткой.
Китель молча одёрнул
Так, что орден об орден
Зазвенели награды,
Как во время парада,
И сказал своё слово
Веско, твёрдо, толково.

«К нам дороги Ягою меряны,
Лет полсотни назад, клюкой.
И клюка её здесь потеряна
В тёмном лесе, за Юг-рекой.
Лишь в двадцатых, собравшись с силами,
Миром всем, через топь болот,
Сквозь леса большак прорубили мы...
Рад несказанно был народ.
Для телеги надо немного:
В метр настил, в три бревна мосток,

Строим, граждане, и живём,
Что о нас непременно дети
Скажут детям своим потом,
Что шли мы по путям нехоженным
И несли всем врагам на страх
Груз работы, сынам положенный,
А не только свой на плечах».

Спустились гирьки у часов,
Смолкает гомон голосов.
Степан встаёт опять:
«Прошу голосовать!»
И вслед за всеми вверх рука
Трофима поднялась,
Но задержалась у виска,
За козырёк взялась.
Как будто не голосовать,
А просто кепку снять
Хотел Трофим, из всех один...
Конец — делам венец.
И вновь спросил Трофима сын:
«Что ж скажешь ты, отец?».
Трофим помедлил: «Что скажу?
Ведь это всё мечты одни...
Я, как хозяйственник, гляжу...».
— «А ты, как коммунист, взгляни,
Как коммунист!
Оно верней —
Точнее взгляда нету,
Увидишь дальше и ясней
Судьбу земли-планеты.
Вот Сталин, с трубочкой во рту,
На боевом своём посту,
Орлиными глазами
Глядит через хребты труда,
Закаты и рассветы...»
И тихо встал Трофим тогда
Перед его портретом.
И вслед за ним через года
В открывшиеся дали
Взглянул Трофим туда,
куда
Глядит товарищ Сталин.

Земля!
За Чалексой рекой,
Трудами рук украшена,
Не представала ты такой
Ни разу взору нашему.
За яровым да озимым,
За всей работой срочною
Не разглядел ещё Трофим
Судьбу, какую прочил ей.
А тут увидел — вдоль реки,
Одеты по-дорожному,
Идут асфальтом мужики,
На наших не похожие.
С подошвой толстой башмаки,
Чужая речь... Да это ж
Из дальних штатов ходоки,
С другого края света.
Пришли учиться строить жизнь.
За морем на колхозный лад,
Пришли взглянуть на коммунизм,
И вот во все глаза глядят,
Точь в точь, как было в давний час,
В лаптях, пешком по тракту
К нам приходили в первый раз
Взглянуть на первый трактор
Бородачи отсталые
Из места захудалого...

А вождь всё дальше вдаль глядит
Спокойным взором, ясным.
И захлестнуло всё в груди
Трофима этим счастьем.
И только стало жаль слегка —
Там всё сдано машине —
И нету там для старика,
Чтоб ныла сладостно рука, —
Литовок нет в помине,
Чтоб спеть на зорьке в три часа,
Как в юности певалось,
Из года в год «Коси, коса»
Хоть час-другой, хоть малость.
На много лет открылась жизнь,
И вот он рядом, коммунизм...

И над собранием тогда
К нему рука поднялась.
В мозолях медных от труда,
Она в тот миг, казалось,
Узлами вен оплетена,
Ветрами лет обожжена,
Как дерева кора, темна,
Его высот касалась!..

6

Расходился народ с собрания.
Смех. Частушки накоротке.
Далеко-далеко в тумане
В этот час на Москве-реке
Стрелки, словно по стойке, «смирно»,
На курантах на миг сошлись,
Грянул музыки вал над миром,
Устремляясь спокойно ввысь.
И на Чалексе у амбара,
В лад кремлёвским часам стуча,
Сторож встал и тотчас ударил
Шкворнем в рельс со всего плеча.
Звон плывёт спокойно и ровно,
Будто с башни Спасской самой.
И Степан с Валентиной Петровной
Задержались, идя домой.
Загляделись на синий-синий
Горизонт в огне по краям...
Доброй ночи твоим, Россия,
Сёлам, рекам и городам!

7

Окончился день колхоза,
Оделись в туман берёзы,
Проплыл над селом уснувшим
По рельсу звонкий удар,
И скрылся на тракте поздний
Свет, на минуту блеснувший,
Автомобильных фар.
Пропел запоздалый кочет,
Всё успокоилось к ночи,

Но я ушёл с сеновала.
К воротам тихо иду,
Мне надо обдумать очерк,
Вернее, его начало...
У мыслей на поводу,
Хочу закурить на покое,
За спичками лезу в карман
И слышу — беседуют двое.
Беседа идёт про роман,
О верности, о дорогах,
О чувстве чистом и строгом,
О родине, о работе
В далёком лесном краю,
Где ветры с горных отрогов
Снегами кипят в полёте
И люди живут, как в бою.
Я слышу беседу ясно:
«Степан, как прекрасна жизнь!
Мы тоже ведь строим трассу
В колхозе своём — в коммунизм».
И он говорит Валентине:
«Валя, я вижу тоже
Под небом ночным и синим
Огни покорённых рек,
Турбины взревут тревожно,
И мы провода раскинем,
И явью станет проект...».

... Хороший писатель Ажаев...
Ушёл я, неслышен и тих.
Влюблённых я уважаю,
А также романы их.

По узкой тропе, меж грядок,
Иду, ускоряя шаг.
Горит, словно флаг на параде,
На грядке высокий мак.
Пахнуло от старой бани
Вениками, теплом,
И тишина в тумане
Неслышно плывёт селом.
И вот уже сторож где-то
Стучит третий раз о рельс...
Стою в преддверье рассвета,

Гляжу на реку, на лес.
Мне снова всю ночь не спится,
Как мир на земле хорош!
Вдали полыхнула зарница,
Цветёт, значит, в поле рожь.
А где-то, на речке Чалексе,
Кулик на судьбу печалится,
На тонких ногах качается
И клювом в тростинку бьёт.
И так уж в июне случается—
Ночь, не начавшись, кончается,
Заря с зарёй обручается,
И новый день настаёт.

8

На вторую неделю круто
Завернула жара. С утра
Волны зноя плывут, как будто
Из огромной кузни ветра.

Просят пить козодои, плачут,
Иван-чаем горит земля.
Обожжённые ноги прячут
Под завалинки тополя.

В горизонт, как алмазом врезан,
Сух до звона стеклянных вод,
Чернозёмом, пылью, железом
День грохочущий отдаёт.

Вот вонзились лопаты с хрустом
Разом в затравяневший дол.
Вздрогнул день, покачнулся грузно
И на всех скоростях пошёл,

Через лес, кустарник и пашни,
Дёри выбрасывая рывком,
Исправляя график вчерашний
На стене правленья мелком.

Бригадирам раздав наряды,
День рабочий в песке, в пыли
Вымпел передовой бригады
Резко выдернул из земли,

И уже на холме покато
Древко сильной рукой воткнул,
Так, что в зеркале переката
На Россохе огонь блеснул.

Били землю киркой, лопатой,
В тачках вверх по мосткам везли,
Поднимали на гребень ската,
Задыхаясь в сухой пыли.

Будто весь колхоз вдоль канала,
Всех рабочих людей села
Жажда в эту жару поднимала
И к реке напролом вела.

Надо только прорыть, пробиться.
Вот удар ещё, вот бросок...

Предколхоза, войдя в пшеницу,
Мнёт с тревогою колосок.
«Хлеб не ждёт. А жара — экватор.
Надо завтра выйти к реке...».
И с надеждой на экскаватор
Смотрит, колос зажав в руке.

Экскаватор встал с лопатой,
Как железный человек.
Кряжистый, сутуловатый,
Режет землю между рек.

Загребёт ее сначала,
Поднатужится слегка,
И над бруствером канала
Чёрная летит рука.

А в кабине, в майке синей,
Щуплый, шустрый паренёк,
Но без паренька машине
Как без рук и как без ног.

Не поднять песчинки малой,
Даже с места не сойти,
Если бы не этот малый
Лет неполных двадцати.

Паренёк безусый, русский,
В городе окончил курсы.

Агрегат зовет «папашей»,
Бьёт ладошкой по плечу:
«Мы с «папашей» сутки пашем
И не устаём ничуть».

Газ ногою до отказа,
На себя рычаг рванёт,
Подмигнёт девчатам глазом
И такое сказанёт:

«Мне бы, девушки, по чину
Надо новую машину
Да на Волго-Дон канала...
Я тогда бы жизни дал!».

Жизни дал! Рекорд вчерашний
Перекрыт. Потрясены
Голубого неба башни,
Нет на свете тишины.

Только есть — любя до пота
Даже в самый лютый зной
Богатырская работа,
Вдохновенная, как бой.

Жизни дал! И землёй режет
Ковш без усталости в упор.
Жизни дал! Но только скрежет
Вдруг раздался, встал моток.
Встал, чихнув перед пригорком,
И больше нет в тот час
Шутки, чьей-то шутки горькой,
И не в бровь, а прямо в глаз:
«Вот и Волго-Дон, вылазь...».

На брезенте жёстком новым
Весь разложен инструмент.
Подошли. — «Привет!» — «Здорово!» —
И пахнуло на момент
Далью памятной, которая
Одна навек в строю.

Будто встретил у мотора я
Юность русую свою.
Вот стоит она, упрямая,
Руки в масле до локтей.
Там, в бою за речкой Чёрною,
Кто придёт на помощь к ней?

Мины ахают над пашнею,
Огонь в сухой траве,
И молчит с недвижной башнею
Тяжёлый танк «КВ»...

Снова будто всё на фронте как.
Жара. Мотор молчит.
«Нет поблизости ремонтников», —
Механик говорит.
«Ну-ка, дай ключи!».
Умение,
Что далось ценой потерь,
Неспроста в боях-сражениях,
Пригодится нам теперь.

И в ладонь ложится веско
Сталь, привычная рукам.
Но отводит парень резко
Руку в сторону: «Я сам!».
Сам! Холодный блеск железа
Отражается в глазах,
Ключ в ладонь углами врезан,
Капли пота на висках.
Наклонился к раме низко,
Будто весь в железо врос.
Первый раз меняет диски
Не в училище, всерьёз.

А по глине на откосе
Всё короче тень стрелы.
Парень помощи не просит,
Пальцы рук хотя белы.
Вздулись мускулы под майкой,
Заколodило, стоит...
И сказал я тихо: «Дай-ка,
Силой тут не взять!»
Молчит.
Пододвинулся... Палёным

Тянет в лица ветерок.
Дым идёт от фрикциона...
Так и есть: сцепление сжёт.

Но пошла вдвоём работа
Веселее... Он ко мне:
«Где учился?»
— «Да в болотах
Подо Мгою, на войне.
До войны не приходилось,
Сожалел не раз потом.
А теперь вот пригодилось...»

День идёт своим путём,
Глухо лязгают лопаты,
На откосе тень стрелы
Вверх пошла... «А я в солдаты
Не гожусь — лета малы,
Только я не унываю,
Вот придёт пора служить,
Я мотор заранее знаю —
Пригодится, может быть!».
Подмигнул легко, задорно...
В мирный полдень, не в бою,
Повстречал я у мотора
Юность русую свою.

9

За полдень в мареве солнце качалось,
Солнце двоилось в глазах наяву.
С ног землекопов свалила усталость
В тень, в жестяную от зноя траву.
Лёгкий клинок пионерского горна
Между деревьев сверкнул и погас,
Школьники подняли песню задорно,
Но не до песен народу сейчас.
В землю лопаты.
И, руки раскинув,
Чтоб отдыхали.
Лежат и сидят
Молча, ведь не из железа спины.
Телами усталыми луг примят.
В ряд посадив топоры на брёвна,
Плотники тоже сошлись на лугу.

Но поднялась Валентина Петровна,
Подсела поближе, и вот в кругу,
Помедлив, задумавшись на мгновение,
Глазами окинув канал и лес:
«Хотите, я расскажу о Ленине
И о первой крестьянской ГЭС?».
Валя не ищет пути простого —
Встать и пойти работать одной.
И вот звучит над привалом слово.
Слово, командующее тишиной:

«Кончалось короткое лето,
И, на день оставив дела,
Ленин приехал с рассветом
К простым землеробам села.

Багровые гроздья рябины —
Как кисти высоких знамён.
Босые мальчишки машину
Со всех обступили сторон.

И с этой толпой босоногой,
Как сельский учитель, к реке
Учитель народов

дорогой
По Кашину шёл налегке.

Помятая кепка в кармане,
Пальто распахнув широко...
Ему подавали крестьяне
Тяжёлые руки легко.

Летела вода с водосброса
И пела ликующе в лад,
А он, задавая вопросы,
Всему был несказанно рад.

Он каждую мелочь заметил,
Ходил, как по цеху чудес,
По маленькой, первой на свете,
Крестьянской бревенчатой ГЭС.

Потом у трибуны дощатой
Стоял, затихая, народ,
В тот славный, далёкий, двадцатый,
Суровый и памятный год.

Он руку над митингом вскинул
Вперёд и стремительно ввысь.
Запела на речке турбина,
И вот по деревне зажглись

По избам огни коммунизма.
Ильич на трибуне стоял,
Как будто не бедные избы
Тогда пред собой увидал.

Увидел с дощатой трибуны
Всё то, что мы видим кругом,
Огни всесоюзной коммуны
Над самым далёким селом.

Её необъятные дали
У мира всего на виду,
Всё то, к чему родину Сталин
Привёл в наступившем году».

И замолчала она. Над привалом
Солнце в литой синеве бушевало,
Било на реках о камни стекло...
Стало так тихо, что все услышали,
Как за Россохою дятлы стучали
И по орбите светило текло.
Кто-то поднялся, соседа за локоть
Тронув легко, не сказав ничего,
Будто почувствовав, как издалёка
Смотрит Владимир Ильич на него,
На котлован, на плотину, на травы,
Реки, канал, на вершинки берёз,
На огневые поля, на дубравы,
На земляков, на родимый колхоз...

Люди вставали, рубахи одёрнув,
И над строительством в жарких лучах
Тонкий сигнал пионерского горна
К синему небу взлетел, рокоча..

10

Люблю строительства леса
И запах стружек на ветру.
Мне кажется, земли краса
Вся — дело человеческих рук.

Ты выйди в поле — как красив
Весь огненный под голубым
Полей возделанных массив,
И жаворонок бьёт над ним.

Красив на речке водопад,
Когда его берут в тиски,
Когда в турбине загремят
Басы тяжёлые реки,

И ночь созвездиями сёл
Заблещет в темноте густой,
И встанет, ахнув, новосёл,
Той зачарован красотой.

И даже небо красотой
Иной заблещет; погляди,
Когда в нём самолётов строй,
Как журавлиный, прогудит.

Оно огромней станет вдруг,
И глубже станет высота.
Лишь в деле человеческих рук
Смысл обретает красота.

Нас красотой зачаровал
Прорытый между рек канал.

Бурлила рыжая вода,
Срывая камни на пути,
И можно было по следам
Её в грядущее войти.

Тёк тонкой струйкой из-под ног
Песок. Степан ладонь поднял,
И солнца луч наискосок
Ладонь, пронзая, накалял.

Ладонь, казалось, от работ
Всё не могла ещё остыть...
А он взглянул в поля: «Ну вот,
Теперь начнём хлеба косить!».

Казалось, он не захотел
Уйти туда, шагнувши вдруг,
Лишь потому, что столько дел
Ещё не сделано вокруг.

А внизу на плотине вздымают стропила,
Ставят сруб, оседлав по-казачьи кряжи,
Как стальные подсолнухи, светятся круглые пилы,
И смолистая дымка над речкой дрожит.
Горизонт оглядев до сияющей кромки,
Все поля, и плотину, и лес, и канал,
Будто взвесив, Ипатов раздельно, негромко,
Словно сам для себя, чуть помедлив, сказал:
«Нынче в поле не выйдет Трофима бригада,
Управляться придётся без них со жнивьём.
А уборка—важнейшее дело, и надо
Провести её в сжатые сроки притом.
Чтоб потом всех на стройку и разом закончить работы,
Чтоб на праздник «Светлану» огнями залить.
День страды—кормит год, агитировать что тут.
По-особому надо партийцам народ торопить.
Бой за хлеб—бой за мир! Пусть, газеты в поля забирая,
Вслух читают они вместо длинных бесед по утрам
О сражении в Греции и о победах в Китае
Трёхминутные сводки скупых телеграмм».

Газеты пишут о войне и хлебе.
Палящий август. Хлебные поля.
Ни облачка сверкающего в небе,
А где-то дыбом вновь встаёт земля.

В колхозе дальнем развернёт газету
До кепки пропылённый тракторист.
И вот уж он не хлебороб, а это
Видавший виды на фронтах танкист...

«На Граммоссе готовятся атаки,
И, видно, трудно грекам воевать.
Идут полки в американском хаки,
Чтобы свободу Греции отнять».

Там грекам жарко на переднем крае,
И кто-то передаст газету в круг:
«Сейчас хлеба в России убирают».
И затоскует по работе вдруг...

А этот русский парень, пропылённый,
Его тоску почуяв между строк,

Стряхнёт седую пыль с комбинезона,
Цыгарку наземь бросит:

«Дайте срок!»
И дотемна мотор глушить не будет.
«А ну, давай, ребята, жизни дай!».
И в поле рук не покладают люди —
Россия собирает урожай!

11

Как огромный стальной кузнечик,
Жатка стрёкот в хлеба вплела.
Первый сноп взлетает на плечи,
Улетают перепела.

Жаром пышет окно сушилки,
Пусть солома снопов тепла —
Громы первые молотилка
По околице разнесла.

Побродивший по сельским трактам
И полям на своём веку,
Там последнюю осень трактор
Нынче празднует на току.

Неподвижны литые траки,
Он, как памятник, в землю влит.
Только кровь зелёная в баке
Плещет, только ремень летит.

И парнишка, златые горы
Попирая, кричит: «Ну что ж,
Что ж, рычи-рокочи, ты скоро
В область прошлого отойдёшь...

На току с грядущего лета
Генератор войдёт в почёт.
Диалектика, братец, это;
Всё меняется, всё течёт!».

И уже, над землёй вставая,
От избы до другой избы,
Цепью движутся, наступая,
Электрические столбы.

Оцепили гумно по тракту...
Очень радостно пареньку,
Что последнюю осень трактор
Нынче празднует на току.

Вышел вечер, облака раскинув,
 День окончил все свои дела.
 Выйди на прогулку, Валентина,
 Вдоль по главной улице села.

Мимо палисадников и окон,
 Тонкая, в батисте голубом,
 Повстречайся, будто ненароком,
 С нами, Валентина, за селом.

Я уйду, я вам мешать не стану.
 Третий—лишний, что ни говори,
 Вот уже неторопливо вянут
 Краски застоявшейся зари.

Вышла.
 «Вечер добрый!» —
 «Добрый вечер!»
 Вся она красива без прикрас,
 Острые мальчишеские плечи,
 Синее сиянье ясных глаз.

Голубая блузка, плащ внаброску
 Белого, что пена, полотна,
 Всем ветрам открытая причёска,
 Как костёр, закатом зажжена.

Счастье дай такой вот — не обронят
 Ни в грозу, ни в бурю, ни в беду
 Маленькие твёрдые ладони...
 Что же, попрощаюсь и пойду...

«У меня дела...» —
 «Идёмте с нами». —
 «Нет, увольте. Ну, Степан, пока...».
 Ухожу, ломая сапогами
 Прутики сухого лозняка.

Огонёк мерцает над плотиной
 С неба опустившейся звездой.
 Вот они проходят с Валентиной,
 Тихие, над медленной водой.

Говорят, идут. Поцеловаться
 Не спешат. На зоревом пути

Что спешить, когда им, может статься,
В жизни вместе далеко идти,

Так вот, никогда не разлучаясь,
У плеча плечо. А вечер тих,
Розовая пена иван-чая
Плещется на гребнях голубых.

Вот они поднялись на плотину,
Силуэты вычертил закат...
Вечер. Вербы. Тени. Валентина.
И во ржи коростели кричат!

Говорят, что прорабу
Спать ложиться пора бы,
Вот уж целое лето
Ипатов Трофим
Поднимает рассветы
Чуть выбрызнет свет,
И рассвет на плотину
Выходит за ним.
С инженером до ночи
Ипатов хлопочет.
Подсобить да проверить
И сказать, например,
То прораб к инженеру,
То к нему инженер.

Знать, они друг без дружки
Не могут иначе.
Пахнет день свежей стружкой,
Железом горячим.

В полдень бабка Лукерья
Принесёт мужикам
Лука сизые перья,
Огурцов, молока.

Сядут в тень пообедать,
Начнётся беседа.
О контрфорсах, устоях,
И пошли, понеслись...
Дело, знать, непростое:
Век живи, век учись.

Инженер—тот по книгам
Всё знает заранее,
Чуть запарка, он мигом
Разбирается в плане.

А Ипатов — бывалый.
Мостов да строений
Понастроил немало
В окрестных селеньях.

Есть смекалка, и вот он
Вдруг подскажет такое,
Что на стройке работа
Подвигается вдвое,
Что и в книгах-то нету,
И недаром за это
Их «теорией» с «практикой»
Стали крестить.
Словом, оба сдружились,
Водой не разлить.

Неразлучники, словом.
Ну, да это всё к слову.
А закат из багрового
Выцвел в лиловый.

И тропа до плотины
Льётся, мягко плутая.
Ивы выгнули спины,
Пыль с сапог обметая.

На плотине под кручей,
Занимаясь промером,
Ходят с «мышью летучей»
Трофим с инженером.

И Степан с Валентиной
К ним идут на плотину.

«Вот она, гордость наша.
Ходят, щупают, мерят...
А напомни папаше,
Что в неё он не верил!..
Станет злым и сердитым
Папаша на сына...
Красоты знаменитой

Получилась плотина.
Дело всё за оснасткой,
В ней нехватка... Получим —
Засверкает, как сказка,
Что там сказка — получше».

Свистнул чибис в тумане,
В щит вода барабанит...
«Спать пора бы, папаня,
Завтра в город чуть свет.
Боевое задание
Не забыл ты?» —

«Ну, нет.
Я как в город нагряну,
То от них не отстану.
Знаю слово петушьё,
Всё, что надо, достану
За милую душу!..».
Он глядит хитровато:
Сын ответил сурово:
«Только ты мне, Ипатов,
Чтоб без этого слова...»

А закат гасит краски,
И над тихой землёю.
Над застывшею ряской
Веет терпкой смолою,
Тянет полем и лесом,
Лёгкой звёздною пылью.
Петухи под навесом
Прячут гребни под крылья.

13

Сторож-сон обходит посад
В мягких чёсаных тёплых валенцах.
Словно белые кони, летят
Облака над рекою Чалексой.

Где-то в тереме травяном
Коростель открывает двери.
Месяц дно золотым багром,
Как прораб, наклоняясь, мерит.

Прибывает всё выше вода, и в кустах
Средь коряжьей тьмы

Облюбовывают места
У плотины новой сомы.

Спят деревья, травы, цветы,
До земли наклонилась рожь.
А с неведомой высоты
Грянет звёздный в августе дождь

В стёкла тракторных круглых глаз,
В окна школы, ферм, МТС —
Будто ток на мгновение даст
ГЭС колхозная. Дрогнет лес,

Кур на ферме вспугнёт петух,
Пошевелит ветвями клён,
И с двенадцати и до двух
Снится нынче Трофиму сон.

Будто в город приехал Трофим,
Будто он явился на склад.
Кладовщик сидит перед ним,
И Трофим подаёт наряд:

«Изоляторы, лампы, шнур
Нам положены по наряду».
Кладовщик, косоглаз и хмур:
«Распишись, получи, что надо».

«Леший взял бы их всех в конторе...».
С тайной целью Трофим ворчит:
«Уж я спорил с ними, я спорил,
А они мне твердят — лимит.

И какой там к чорту, лимит,
Если шнур, он нас тормозит,
Изоляторов нехватает,
И мы бледный имеем вид».

Кладовщик, косоглаз и хмур,
Говорит ему тихо: «чур!»
Петушиное слово...
Верёвочку

Завязать пакет подаёт.
И Трофим из командировочных
Тут две сотни ему суёт.

И тогда нипочём лимит,
Грузовик по мостам гремит,

Упакованы грузы, что надо,
Всё, что надо, и сверх наряда.

Ночь на крыльях своих летит,
Кинолентою крутит сон,
Дни за днями летят в угон.

Наплывает и крупным планом
Вся в огнях предстаёт «Светлана».

Только что это? Бородаты,
Злы встают пред ним мужики
Из «Весны», из «Горки», и хаты,
Как слепцы, торчат у реки.

Неподвижна в реке вода,
Якорь намертво встал в моторе,
Ток не ринется в провода,
Всё хозяйство вокруг в разоре.

И нигде огни не горят.
Мужики кого-то честят,
Про вредительство говорят,
Из колхоза выгнать грозят.

Вот они уже рядом с ним,
Ищут, лезут в сенцы, в окно.
Вскрикнул в страхе большом Трофим.
Сон порвался, как лента в кино.

Он стирает со лба рукой
Ледяные росинки пота:
«И приснится же сон такой,
Даже страшно стало чего-то.

До чего же сильны во мне
Пережитки капитализма...».
Тени крадутся по стене,
Месяц в стёкла водою брызнул.

Шаг отмеривают часы,
А из горницы свет струится,
Там не спит неуёмный сын,
Даже ночью ему не спится.

В лампе тихо гудит огонь.
Ночь — учёбе, как день — работе.
И разглаживает ладонь
Том в сверкающем переплёте.

Краской пахнувший том вчера
По подписке получен с почты,
И вторую ночь до утра
С ним Степан не смыкает очи.

Наклонился опять над ним,
Строки ожили, зазвучали
Прямо в душу, как будто с ним
Начал просто беседу Сталин.

Будто в горнице за столом
Сталин сел у скатерти чистой.
С глазу на глаз сидит вдвоём
С рядовым бойцом-коммунистом.

Полководец-вождь и солдат
О делах страны говорят.

А за окнами вдаль летит
Ночь в бесшумном слепом полёте.
На столе, раскрытый, лежит
Том в сверкающем переплёте.

И к нему ложится, как снег,
Чистый, лист под ладонь Степана,
Далеко за сотнями рек
От колхоза завод «Светлана».

Цехи ярко освещены,
Днём и ночью гремит работа,
Чтоб на дальних реках страны
Загорались огни без счёта.

Перевыполняются планы,
Но колхозы тоже не спят.
И заводу колхоз «Светлана»
Пишет прямо, как брату брат:
«Молодцы! Но порой нам всё же
Крикнуть хочется на весь край:
Эй, вы там, на «Светлане», что ж вы?
Ждём на реках. Курить кончай!».

14

Улица пустынна, вдоль посада
Кур ведёт на водопой петух,
Да бычка, отставшего от стада,
Гонит в поле лет шести пастух.

Ну, а тот противится, не хочет
Замычит. Как взрослый бык в пути
Встанет, заупрямится, и точка.
Не желает никуда идти.

Знать, от бабки убежал мальчонка,
Повстречал отставшего бычка,
Как пастух заправский, прутом тонким
Он его стегает по бокам.

Я ему помог в похвальном рвенье.
Бык удрал, хвостишком закрутив.
Нам же до колхозного правленья
С карапузом вместе по пути.

«Дядя, ты куда, на перекличку?
Дядя, будешь говорить с Москвой?
Дядя, я домой». — «Ну что ж, отлично,
Будь здоров, товарищ дорогой».

Я вхожу в правление к Степану,
Пуговку «Рекорда» крутит он.
«С добрым утром, проходи... Не рано...»
Пододвинул ближе телефон.

Загремели за окном моторы,
Зябь пахать готовы трактора.
Крикнул: «Отъезжайте от конторы —
Перекличку начинать пора».

Трактористы тихо жмут педали,
Малый газ и скорость. Лишь потом
Газ на полный,
За деревней, в дали
Понесли крутой железный гром.

А в райцентре секретарь райкома
Микрофон придвинул не спеша,
По привычке, техникам знакомой,
В сетку для проверки подышал.

Кашлянул: «На линию колхозы
 Попрошу...». И вот издалека
В гомон утра, в звонкий шум берёзок
Из «Победы», из «Большевика»,
Из «Восьмого марта»,
«Первомай»,

«Красной горки»,
«Октября»,
«Весны»,
Будто позывные называя,
Среди наступившей тишины

Весь район поочерёдно начал
Откликаться, становиться в строй,
Общим настроением охвачен.
Первый говорит, за ним — второй...

Кончила ряжи рубить «Победа»
И уже гудит глухим баском:
«Мы в соревновании с соседом
На сегодня впереди идём».

А за нею, голос поднимая,
За селом колхозное село,
«Большевик» с «Весной»

и «Первомаем» —

И пошло, пошло, пошло, пошло...

Цифры, киловатты, кубометры.
Весь район, как будто Днепрострой,
На семьсот квадратных километров
Развернулся в дымке голубой.

И Степан от имени «Светланы»
В свой черёд с райкомом говорит.
Светлый листик тоненькой мембраны
В кулаке настойчиво звенит:

«Трудно. Размахнулись на большое.
Всем колхозом рыть канал пришлось.
Плотничьи бригады злание строят,
В октябре забьём последний гвоздь...

Инженер вот спрашивал, куда нам
На учёбу трёх парней послать?
Курсы надо...»: — Молодцы «Светлана!»
Курсы будут. Подожди, дам знать.

«Горка», «Горка», где ты, «Горка»,
где ты?»

Дайте ей индуктором звонок». —
«Горка» здесь, да только нынче летом
Нам плотину не поставить в срок.

Мало рук, и на носу уборка.
На неё у нас сейчас упор...». —
«Не ссылайся на уборку, «Горка»,
Дай-ка мне парторга. Где парторг?»

Голос всё суровой, и сквозь свисты
Треск разрядов, как металл, звенит:
«Сколько на постройке коммунистов?
Как, скажи, работают они?»

Партия уборку и плотину
Спросит с вас, ведь вам народ вести.
Ты ж на самотёк работу кинул,
Трудно стало, руки опустил...».

А парторг молчит у телефона,
Что ж, парторг, не скажешь ничего...
Коммунисты по всему району
В этот миг краснеют за него.

Так в «Светлане» слушали «Победу»,
«Первомай», «Октябрь»
с «Большевиком».
Вёл райком с колхозами беседу,
Говоря партийным языком.

Ясно, просто, радостно и строго...
В гуле, в песнях, в солнечной игре
День летит по голубым дорогам
С новой силой от зари к заре.

И под вечер секретарь обкома,
Отблеском заката озарён,
Вызовет на линию райкомы,
Кашлянет, придвинет микрофон.

А когда торжественный, знакомый
Гимн страны прослушает земля,
Вызовет на линию обкомы
Сам товарищ Сталин из Кремля.

В Кремль пойдут со всей страны
известья,
И в ряду больших её работ

Станцию на Чалексе безвестной
Сталин в планах Родины учтёт.

Тишина. Покажется, кузнечик —
Не часы стрекочут на столе.
О далекой безымянной речке
Он задумается там, в Кремле,
Поднимая шторы в час рассвета,
Трубочку заветную куря...

Светел мир, и в окнах кабинета
Коммунизма занялась Заря!

Редактор А. М. Ширикова
Техредактор А. А. Веселовская

ГЕО1626. Сдано в набор 25.1.50 г. Подписано к печати 6.11.50 г.
Объем печ. лист. 2¹/₂, бум. лист. 1 ³/₄ Тир. 7000. Зак. 485.

Вологда, Областная типография „Красный Север“

